ОТКРЫТИЕ КРАСОТЫ

ДВА значительных телецикла, посвященных творчеству дирижера Евгения Мравинского и пианиста Святослава Рихтера*, привлекли внимание миллионов телезрителей. Впервые, потому, что представлялась редкая возможность познакомиться со многими вершинными достижениями прославленных артистов, во-вторых, возможность видеть этих «затворников от прессы» в нерабочей, то есть неконцертной обстановке, услышать их голоса, из первых уст узнать их мысли об искусстве, музыке, жизни.

Впечатление от фильмов сильное, они волнуют, и прежде всего своей правдивостью.

Как часто в жизни предлагают нам образцы, которые таковыми не являются и почему-то исполняют обязанности подлинных. Это касается не только предметов быта, но и науки, и человеческой личности, и искусства. Бюрократизм проник и в музыку, на нотной бумаге — «красота», а на слух ужасно, на бумаге «звучит», а на слух — нет, не слышно. И, к сожалению, бумажный пенный шум, не увенчанный делом, часто преграждает путь к победе красоты и истины.

Весь пафос картин о Мравинском и Рихтере направлен как раз в защиту великого чуда, дарованного человечеству, — красоты, труда и вдохновения, непумного и гордого мужества во имя правды, само появление которой, как бы тяжела она подчас ни была, уже победа.

Фильмы лаконичны и просты. Так возможно говорить только о большом и ясном. На экране никто не позирует, не пугает genialностью, не чванится, не напускает тумана. Скромно и сдержанно говорят здесь о всем понятных вещах — работе, поисках, требовательности к себе, о совершенствовании ремесла, вообще о корневых, глубинных началах.

Мравинский и Рихтер — служители живого дела. Авторы фильмов очень верно почувствовали эту силу артистов и сделали ее явно ощутимой даже для людей, далеких от музыки, и тем самым приблизили ее к ним. А это редкая и тем более ценная удача, результат той самой высокой простоты, которая внушает доверие. В этом постановочный коллектив вполне гармонирует с теми, кому посвящена его работа. Авторы проводят четкую грань между простотой и доступностью. Если простота внушает доверие, то доступность рождает лень и

вседозволенность. И как часто некоторые «произведения искусства» вовсе не призывают нас думать. Творчество же Мравинского и Рихтера — не продукция, годная лишь к немедленному проглатыванию. Это живое искусство, дающее семена и побеги, требующее специально разработанной почвы.

Создатели фильмов замечательно выполняют еще одну задачу — снимают стеклянную броню со слушателя, превратив его из только наблюдающего еще и в воспринимающего. Этому служит тонко и умно составленная система вопросов артистам, что тоже немалая редкость. Есть в общении музыковедов со слушателями несколько болезненных крайностей. Первая состоит в том, что слушателям в чувствительных выражениях рассказывают об ужасах жизни великих музыкантов (не пережив провала оперы и разлада с окружающей действительностью, скончался через 25 лет после премьеры). Вторая — нудный урок по анализу форм (симфония написана в традиционной форме — сначала исполняется первая часть, за ней следует вторая, завершается весь цикл третьей и четвертой частями).

В циклах о Мравинском и Рихтере музыковед А. Золотова (он же автор сценария) на экране мы почти не видим. Но его роль в организации идейной направленности картины нисколько от того не меньше. С нетерпением ждешь, что будет дальше, что еще откроется тебе?

А открывается многое. И самое главное — суть и смысл существования музыки, которые еще не разгаданы настолько, чтобы быть выраженными в формулах, но которые становятся понятными благодаря таким музыкантам, как Мравинский и Рихтер.

Благодаря фильмам музыка становится узнаваемой, как близкий человек, про которого знаешь все: где родился и живет, какова семья, что любит, что читает, к чему пристрастен. Такая «узнаваемость», порождающая чувство близости к музыке, свойственна песням — их биография легко прослеживается всеми. Заставить «узнать» музыку других, сложных жанров под силу только под-

линным художникам. Как учение не существует без толкователей, так нет музыки без исполнителей.

Музыка — это бесконечное постижение мира, и меньше всего спорт. Каждая вершина в музыкальном исполнительстве — не стадионная планка с высотой, которая завтра будет взята.

Горизонт извечно манит людей. Люди идут к нему, а он бесконечно удаляется и все так же маняще близок, и мы верим, что дойдем, заглянем в тайная тайных. Мравинский и Рихтер — художники, внушающие такую веру. В их руках музыка — не птица в дорогой клетке напоказ. Они раздвигают горизонт и показывают музыку такой, как она живет по-настоящему, вольной, крылатой своей жизнью.

Есть музыканты-исполнители, которые всегда «впереди» музыки, как есть люди, которые чувствуют себя «впереди» дела, которому служат. «Как мой сын хорош в этой симфонии», — сказала матушка одного дирижера, и была права. Симфонии между тем было гораздо хуже, чем ее ребенок. Авторам фильмов удалось замечательно показать как раз обратное — великую любовь обоих артистов прежде всего к музыке, или, перефразируя Станиславского, любовь к музыке в себе, а не к себе в музыке.

Любовью и высочайшим уважением к музыке отмечена и сама манера построения фильма-спектакля, режиссерская и операторская работа. Самые веские доказательства, доводы предоставлены самой музыке. Съёмки выразительны, тактичны. Прекрасны руки музыкантов, которые сами по себе — целая поэма. Через них вошло в музыку многое из того, что открыли души творцов. В руках Рихтера — руки величайших композиторов, в руках Мравинского — пульс их сердца. И вместе с тем это руки людей нашей эпохи, когда стало возможным осмыслить сразу невероятно многое, сравнить, пересмотреть, отбросить наносное, очистить замутненное, усилить ослабевшее, восстановить утраченное.

Для Мравинского и Рихтера судьба и жизнь искусства — это судьбы и жизнь людей. Их творчество — об-

разец ясности и чистоты, в нем нет двурушничества, лицемерия. Каждый их концерт — и фильмы этому прекрасное доказательство — это момент возвращенной человеку гармонии, когда прекрасное на полных правах заселяет человеческое существо и, циркулируя в нем, лечит, освежает, очищает. Они в полной мере оправдывают веру людей в целительность и нужность искусства. Искусство Мравинского и Рихтера возвышает. А чем больше художник помогает подняться другим, тем больше возвышается он сам. Это ясно ощутимо в телециклах — в этом их достоинство и их злободневность.

И не только в этом. В начале этих заметок говорилось, что пафос фильмов о Мравинском и Рихтере состоит в защите красоты. Могут спросить: нужно ли ее защищать и от кого? Наше время — время определенных трудностей. В нашей стране идет упорная борьба за нового человека. Но обыватель еще силен. И часто высоко поднимает голову. Ему нужны лишь развлечения. Авторы телециклов решительно и уверенно ставят своей работой заслон обывательским представлениям о красоте, раскрывая духовную мощь выдающихся художников, и делают это спокойно, деликатно, без крикливости и назойливости. Они счастливо миновали то положение, когда, по словам Н. Лескова, «...не в меру выпяливаемые художественные прихоти и страсти художников обуславливают успех непримиримых врагов искусства: людей, не уважающих ничего, кроме положения и прибыхка...».

Впечатление от фильмов о Мравинском и Рихтере сильное и светлое. И хочется верить, что не останется у нас людей бесчувственных к красоте, если будут рассказывать о ней такие фильмы, какие сделали в объединении «Экран» автор сценария и комментатор Андрей Золотов, режиссер Святослав Чекин и оператор Николай Москвитин.

Валерий ГАВРИЛИН,
композитор, заслуженный деятель искусств РСФСР.

Ленинград.

* «Хроники Святослава Рихтера», «Размышления о Мравинском», творческое объединение «Экран».